

О знакомстве и дружбе с Владимиром Маяковским

<http://oralhistory.ru/talks/orh-17>

21 августа 1967

Собеседник

Якобсон Роман Осипович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 21 августа 1967 и опубликована 27 ноября 2015.

Введение

«Первый раз я встретил Маяковского на похоронах Серова», — так начинает свой рассказ Дувакину Роман Якобсон, гостивший в Москве неделю в августе 1967 года. Беседа была записана у Дувакина дома, Якобсона и его жену Кристину Поморску привез Вячеслав Иванов, который написал об этом в своих мемуарах так: «Когда Роман Якобсон был в очередной раз в Москве, он с удовольствием откликнулся на приглашение Дувакина и приехал к нему домой вместе со мной. Рассказ Якобсона о раннем Маяковском был очень увлекателен и содержал много нового даже для Дувакина. <...> Мы слушали затаив дыхание».

Десять лет спустя значительно более обширные воспоминания Якобсона записал на магнитофон Бенгт Янгфельдт, и эти воспоминания не раз переиздавались (впервые: Якобсон-будетлянин / сост., подготовка текста, предисл. и комментарии Б. Янгфельдт. Stockholm, 1992). В предисловии к публикации текста беседы Якобсона с Дувакиным (Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) // Седьмые тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига—Москва. 1995—1996. С. 297—317) Евгений Абрамович Тоддес пишет:

«В фактологическом отношении две версии воспоминаний весьма близки, однако есть и сообщения, отсутствующие в записи 1977 года. В частности, только в московской версии идет речь о „раздвоении“ авангардистской аудитории на меньшинство, отдававшее предпочтение Маяковскому, и большинство — сторонников заумной поэзии; о том, что Д. Бурлюк убедил Маяковского стать поэтом (этот фрагмент может служить комментарием к оценке роли Бурлюка как „действительного учителя“ в автобиографии „Я сам“), а также о встречах с Бурлюком в Америке. В других случаях тот или иной эпизод, известный по мемуару 1977 года, теперь дополняется новыми деталями. Так, передавая впечатление от „Игры в аду“ Хлебникова и Крученых, Якобсон говорит о своих занятиях Пушкиным в 1912 году и проводит параллель между футуристической поэмой и пушкинскими инфернальными набросками. Подробнее и конкретнее сказано об участии Волошина в организованной „Бубновым валетом“ дискуссии по поводу известного инцидента с Балашовым, повредившим картину Репина. Некоторые отличия и новые подробности имеются в свидетельствах о чтении Маяковскому французского перевода из „Облака в штанах“, а также о посещении Якобсоном Бриков в январе 1917 года, непосредственно предшествовавшем его сближению с поэтом».

Это был первый период работы Дувакина, когда основной и единственной темой бесед считалась документирование биографии Владимира Маяковского. Поэтому в беседе встречаются оговорки «о Хлебникове в следующий раз», которые вызывают только досаду: к сожалению, второй беседы так и не состоялось.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Роман Осипович, моя просьба к вам — рассказать как можно полнее, как можно подробнее, не останавливаясь, не оглядываясь ни на какие соображения личного или другого порядка, как вы с Маяковским познакомились, всю историю ваших встреч. Прошу учесть, что это не для публикации. Я никакой из этого биографии сейчас писать не собираюсь и уже не успею, наверное, написать, хотя хотел бы в принципе. Я работаю для XXI века. И именно потому этой работой сейчас очень дорожу, что у меня появилась такая возможность, о чем я давно мечтал. Я как-то прочитал, как встречали крестьянку, видевшую один раз Пушкина, сказавшую ему: «Здравствуйте, барин!», в 1900 году, и представил себе, что последние люди уходят. Прошло тридцать лет, и наша встреча и ваш приезд сюда — это для меня большой подарок, который мне организовал Вячеслав Всеволодович [Иванов]. Я вас ничем, так сказать, не буду связывать, никаких интервью, попыток вопросы задавать. Расскажите, а потом, что меня специально интересует, если разрешите, я дополнительно спрошу. Пленки у меня достаточно. <нрзб>

Роман Осипович Якобсон: Вам придется проверять даты на основании хотя бы книги Катаняна. Но по событию вы узнаете, что это за месяцы и что это за год.

Первые встречи с В. В. Маяковским

Первый раз я встретил Маяковского на похоронах Серова. Я был в то время лазаревцем, увлекался живописью, незадолго до смерти Серова видел его «Похищение Европы». На меня и моих друзей, а друзья мои были молодые художники, смерть Серова произвела большое впечатление. Мы пошли на похороны. Шли, шли пешком, по Мясницкой и дальше. Пришли, остановились недалеко от открытой могилы. Выступал молодой человек — очень молодой, красивый. Необычайно зычным голосом, но в то же время без всякого ложного пафоса произнес речь от имени учеников Серова, которые не забудут учителя, не забудут заветов учителя — идти все дальше и дальше. Я не знал, кто это. Мне сказали, что это ученик Серова по Училищу живописи.

А потом, раза два или три, на разных выставках, в частности, на выставке, помнится, «Бубнового валета», я видел Маяковского в очень потрепанной бархатной кофте, очень потрепанной. И вообще весь вид у него был такой очень бедный и такой чуточку непричесанный что ли. Он сразу останавливал на себе внимание — очень необычным выражением лица, всем видом. И помнится, я в первый раз заинтересовался, кто же это. И спросил об этом. Был такой художник в «Бубновом валете», он довольно молодым умер, Мильман.

В.Д.: Мильман?

Р.Я.: Мильман. Есть его целый ряд воспроизведений, если вы посмотрите каталоги «Бубнового валета», монографии. Он был близок к Машкову, к Кончаловскому. И я спросил Мильмана.

«Да так, второстепенный художник. В сущности, хулиган». Это о Маяковском.

Ну а потом, как-то такое, не знаю почему, так никогда этого и не узнал, на выставке «Бубнового валета» я был свидетелем, как организаторы этой выставки вытаскивали Маяковского. Что он сделал — нагрубил ли им, чем-то им не понравился, но была потасовка. И он все больше меня начинал интересовать.

А затем странная история... Я вам сейчас расскажу опять эпизод, который вошел в литературу, и как-то случилось, что я оказался свидетелем...

У меня в то время был абонемент на концерт Кусевицкого, и я был с двумя своими школьными товарищами на одном концерте, и играли, вы уже знаете теперь, о чем речь, играли Рахманинова. И вот то, что рассказывает Маяковский в своей автобиографии об «Острове мертвых» и так далее, — я это видел. Маяковский и Бурлюк стояли. У них не было сидячих мест. Они стояли у стены, и Маяковский стоял с необычайно скучающим видом, и затем оба ушли. Это та история, которая рассказана Маяковским. И когда я потом прочел, мне было даже странно: я хорошо это помню.

А потом зашли разговоры о том, что Маяковский пишет стихи. И вот... Я все еще знаком с ним не был. Я его увидал на диспуте, устроенном, если не ошибаюсь, опять-таки «Бубновым валетом» в Политехническом музее, в тогдашнем Лубянском проезде, Серова теперь. И там Маяковского лишали слова. Он хотел выступить в дискуссии. Его ведь бубнововалетцы терпеть не могли. И его хотели лишить слова, а он отказывался, так сказать, от этого запрета и хотел все время говорить.

И когда его лишили слова и опять-таки почти что вывели... да не почти что, а, собственно говоря, вывели, может быть и с участием представителя полиции, то вдруг на галерке Политехнического музея появился Маяковский и своим тогдашним действительно исключительной силы голосом перекричал все. И начал говорить о бубнововалетцах как о жандармах нового искусства и так далее, и так далее.

В.Д.: Он же к Ларионову тяготел.

Р.Я.: Да. В то время, да, совершенно определенно, он был связан с «Ослиным хвостом».

А потом очень мне помнится из диспутов — это диспут, устроенный после того, как Балашов разрезал картину Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Потом я слышал шутку, что это Иван Грозный оказывает своему сыну первую помощь.

(смеются). И вот тогда «Бубновый валет» пригласил для вступительного слова об этом эпизоде, сильно нашумевшем, Максимилиана Волошина. И Максимилиан Волошин очень, так сказать, цветисто и очень куртуазно говорил обо всей этой истории. Не обвинял никого и в то же время он показывал культурный фон, который должен был к этому привести, вопрос кризиса искусства, отношение к реализму и все прочее. И была дискуссия, где выступали бубнововалетцы. И там же выступил Маяковский против «Бубнового вальса». И выступил он, воспользовавшись в первую очередь стихами Пруткина, и великолепно их продекламировал. Говорит: «Я могу сказать об отношении между “Бубновым вальсом” и представителем символизма Максимилианом Волошиным: “залез червяк за шею — гони ж его сама, а не давай лакею”. А затем...

Да, между прочим, это так, прямого отношения к Маяковскому не имеет, но это эпизод, который вызвал громадное волнение в публике, аплодисменты и свистки. Вставали люди и просили слова. Им давали слово. Встает старик и говорит: «Я прошу слова. Мне дайте слово».

В.Д.: Кто?

Р.Я.: Это был Репин. И Репин очень достойно выступил. Я не помню уже прямого содержания, но, в общем, так сказать, защищал права художника от каких бы то ни было посягательств. Такая была его точка зрения.

Маяковский с А.Е. Крученых, Д.Д. Бурлюком, Б.К. Лифшицем и Н.Д. Бурлюком. Москва, 1913 год.

И вот теперь я не помню, это в этом же диспуте или в том, о котором я говорил раньше, но там выступили Бурлюк и Ларионов. И тезис их был таков, они приблизительно выступали в одном смысле: «Бубновый валет» — гнездо реакции, Машков и Кончаловский — академики. И затем — «Вот новое искусство!» И показывали (это разрешали), показывали картины на экране, и показали на экране — это я впервые увидел — две или три картины Пикассо. Ранние его вещи.

В.Д.: Очень интересно. А его не знали еще?

Р.Я.: Совершенно не знали. И, с одной стороны, был невероятный хохот, свист, шипение: «Шарлатанство!» и так далее, и так далее. А с другой стороны уже восторг. В числе очень восторженных созерцателей был я сам. На меня это произвело громаднейшее впечатление. Я сейчас же после этого заинтересовался: что же это — вот эти самые новые французы. И вскоре мне удалось попасть, опять-таки благодаря Мильману, в музей Щукина, в дом-музей.

В.Д.: Роман Осипович, простите, чтобы немножко привязать ко времени... Это уже зима 12-го — 13-го года?

Р.Я.: Да, конечно. Если у вас есть Катанян, я сейчас посмотрю...

В.Д.: Нет, не надо.

Р.Я.: Там есть датировка диспутов. Так что это один из этих диспутов. Да, это все 12-й. Я бы сказал, что все-таки все это до «Пощечины общественному вкусу».

В.Д.: «Пощечина общественному вкусу» — это декабрь 12-го года.

Р.Я.: Это до того.

В.Д.: Вот это мне и важно. То есть он еще как поэт неизвестен совсем.

Р.Я.: Нет, совсем нет, совсем нет, совсем не был известен. Нет-нет. Не был совершенно известен. Нет. И потом... мне тут придется быть на минуту автобиографичным.

Пощечина общественному вкусу

Тогда я купил, даже помню где, в книжном магазине «Образование» на Кузнецкой улице, был такой книжный магазин, по правую сторону Фуркасовского переулка, купил брошюру, которая меня поразила и была выставлена. Это было первое издание «Игры в аду» Хлебникова и Крученых. Совершенно эти имена мне ничего не говорили, и меня очень поразила эта поэма. А так как я в то время усиленно занимался Пушкиным, то заметил одну вещь, которая, кажется, после этого никогда не была отмечена в литературе, а именно, что там несомненно отразилось влияние, на этой поэме, пушкинской «Адской поэмы»¹. Знаете, наброски пушкинские, там есть как раз игра «не для денег, а чтобы вечность проводить». Меня это очень заинтересовало, это было очень неожиданно все. И когда вышла «Пощечина общественному вкусу», я просто побежал ее покупать, это для меня просто до сих пор, как только я вижу эту рогожку, сейчас же такое впечатление какое-то, я не знаю, детских переживаний почти что. И в этой «Пощечине общественному вкусу» — там ведь были стихи Маяковского «Улица. Лица» и затем «Багровый и желтый».

¹ См. специальную статью Якобсона: Игра в аду у Пушкина и Хлебникова // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л., 1976. С. 35-37.

Обложка первого издания «Игры в аду».

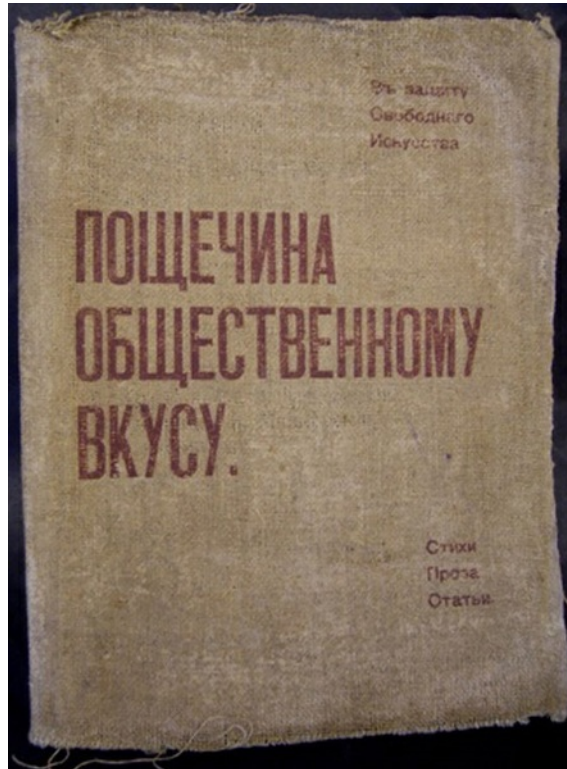
В.Д.: «Багровый и белый» и «Ночь». «Улица. Лица» — это другое.

Р.Я.: Ах, «Ночь», да. «Угрюмый дождь скосил глаза. А за решеткой четкой...»² Да. И тут азарт... Мы очень все тогда, <нрзб> очень зачитывались этой книгой. Я должен сказать, что на меня сравнительно очень слабое впечатление произвели стихи Маяковского. Я был совершенно потрясен Хлебниковым. Эти «И и Э», потом разные эти «Гонимы кем...», все то, что там называлось «Конем Пржевальского». Это все было совершенно...

² «Ночь» («Багровый и белый отброшен и скомкан...») и «Утро» («Угрюмый дождь скосил глаза...») были опубликованы в альманахе «Пощечина общественному вкусу» (декабрь 1912г.), а «У—/лица. Лица/ у...» (еще не имевшее заглавия «Из улицы в улицу») — в одноименной с альманахом листовке (выпущенной через два месяца после него).

В.Д.: «Крылышка золотописьмом...»

Р.Я.: Да-да. Это все сильное произвело впечатление. А Маяковский казался <нрзб> Но я помню, что мой товарищ по Лазаревскому институту, впоследствии архитектор, он заучил наизусть вот это: «Угрюмый дождь скосил глаза...» и затем соблазнял девушку, говоря, что это его собственные стихи. И кажется, соблазнял с успехом. Но вообще, это колоссальное событие — «Пощечина общественному вкусу». Потом вокруг много разговоров. Огорчало, когда... вы помните эту историю, которая, между прочим, по-моему, как-то забыта, что Кандинский протестовал против того, что его... есть это, известно?

Обложка сборника «Пощечина общественному вкусу».

В.Д.: По-моему, нет.

Р.Я.: Кандинский протестовал, что его опубликовали в этом сборнике, заявив, что он за левое искусство, но против хулиганства. А тут есть хулиганство.

В.Д.: Почему потом ведь Маяковский упоминает в левовской: «...отбросив эстетствующих кандинских...»³

³ Речь идет о программной (написанной Маяковским и подписанной всеми членами редколлегии) статье «За что борется Леф?», в которой о футуристах говорилось: «сразу отвадили примкнувших эстетствующих (Кандинский, Бубново-валетчики и пр.)» (Леф. 1923. № 1. С. 3; Маяковский Вл. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С. 40).

Р.Я.: Ну, и тут уже начали появляться одна книжка за другой. Тут я ходил на разные выступления Маяковского уже как поэта, все же считая, что на первом месте не он, а Хлебников. И тут очень любопытно, что создалось среди тогдашних, значит, художников вокруг футуризма... создалось довольно сильное раздвоение. Были, с одной стороны, сторонники Маяковского и так далее, но больше было такое радикальное крыло, которые говорили: «Нет, Маяковский — это импрессионист, Маяковский — это декадентство, а, собственно говоря, настоящее — это Хлебников». Среди этих людей, чтобы не быть голословным, были Малевич, затем Филонов и муж Елены Гуро, покойник, композитор...

В.Д.: Матюшин.

Р.Я.: Матюшин. Вот эти были против Маяковского, за Хлебникова и за всю группу «заумников». Много об этом я слышал разговоров. И собственно, помню хорошо, что когда вышли обе пьесы: пьеса «Победа над солнцем» Крученых с вступлением <нрзб> Хлебникова⁴, а с другой стороны, «Я» Маяковского, то нам казалось все-таки, что настоящее, завтрашний день искусства — это Хлебников и Крученых, а не Маяковский. В Маяковском казалось слишком много еще отблесков символизма, против которого у нас уже нарастало очень сильное раздражение.

⁴ Пролог к опере Крученых «Победа над солнцем» (1913; музыка М. Матюшина, оформление К. Малевича).

В.Д.: Символизма или XIX века?

Р.Я.: Нет, символизма, символизма, импрессионизма и так далее. Я лично, помню, переменял отношение к Маяковскому только после того, как прочел «Облако в штанах», которое уже потрясло меня — стихом... и многим...

В.Д.: А Крученых воспринимался тоже, так сказать... Хлебников и Крученых бралось таким?

Р.Я.: Да, Хлебников и Крученых брались вместе.

В.Д.: Все-таки ведь дистанция-то огромная.

Р.Я.: Да. Но... в Крученых было многое, что очень поражало, изумляло: новые пути и новое какое-то понимание. Это все было. Но вообще, конечно. Я помню очень хорошо, когда Бурлюк объявил доклад. Были расклеены афиши на Политехническом музее и вокруг: доклад «Пушкин и Хлебников». У меня тогда был жестокий спор с моим отцом, который

говорил: «Какое безобразие!», а я говорил: «Совершенно не безобразие» (*смеются*).

В.Д.: Ваш отец, так сказать, был интеллигент такого чеховского поколения?

Р.Я.: Да, да. Он читал реалистом еще первое издание «Братьев Карамазовых», когда оно только что вышло⁵. Но, между прочим, я сейчас сам прочел лекцию, одну из лекций. Читал именно «Пушкин и Хлебников».

⁵ См. также упоминание об отце в воспоминаниях 1977 г.: Якобсон-будетлянин. Stockholm, 1992. С. 14.

Личное знакомство с Маяковским

Да, Маяковского я все еще не знал лично. Первый раз я с ним познакомился вот при каких обстоятельствах. Это было, если мне не изменяет память, февраль 14-го года, в Москву приехал Маринетти. И Маринетти, как вы знаете, был встречен в штывы футуристами. Говорили — гнилыми яйцами закидать. Яйцами не закидывали, но вообще все-таки встретили в штывы. А потом началось такое частичное какое-то, во всяком случае, компанейское примирение. И, в частности, тогда Маринетти подружился с Ларионовым. Причем, Маринетти не говорил ни одного слова по-русски, а Ларионов — только по-русски. Но они пили вместе, Ларионов показывал ему свои картины. Они как-то хорошо друг друга понимали. Вот это очень хорошо мне запомнилось: в литературно-художественном кружке, в Обществе свободной эстетики была дискуссия с Маринетти. Дискуссия была частью по-итальянски, частью по-французски. Между прочим, в этой дискуссии тогда принимал участие один человек, который впоследствии погиб... Вероятно, вы его фамилию встречали в исторических работах, был такой адвокат Виленкин.

Филиппо Т. Маринетти.

В.Д.: Виленкин?

Р.Я.: Да, кажется, мне не изменяет память.

В.Д.: Виленкин, по-моему, эсер был такой.

Р.Я.: Который участвовал в убийстве...

В.Д.: Мирбаха?

Р.Я.: Урицкого, по-моему...

В.Д.: Ну да, он эсер. Виленкин был известный левый эсер. Он в дискуссии с Маринетти участвовал?

Р.Я.: С Маринетти.

В.Д.: Он имел какое-то отношение к искусству?

Р.Я.: К литературе, да. Очень даже, да. По-моему, даже стихи писал⁶.

⁶ В воспоминаниях 1977 г. это лицо, чью фамилию Якобсон называет не совсем уверенно, не упомянуто; остается неясным, не идет ли речь о Я.Г. Блюмкине, который в поздней версии однажды фигурирует, но в другом эпизоде, относящемся к более позднему времени. Среди известных эсеров не было человека по фамилии Виленкин. Единственный, кого мы можем назвать из близкого политического круга, — это А.А. Виленкин, член ВЦИК, избранный на I съезде рабочих и солдатских депутатов от трудовиков и народных социалистов, но другими сведениями о нем не располагаем. Впрочем, возможно предположить, что речь идет о русском поэте и писателе-мистике Николае Максимовиче Виленкине, печатавшемся под псевдонимом Минский, который, однако, никогда не принадлежал к партии эсеров.

И вот с Маринетти долго шел разговор. И Ларионов, не понимавший ни слова, страшно скучал. И сказал Маринетти: «Пойдем

пить». Маринетти не понял. И тогда Ларионов... Я сейчас включил это сообщение в сборник, в свою статью, которая выйдет в сборнике в честь Кузнецова⁷.

⁷ Да и нет в мимике // Язык и человек. Сб. статей памяти проф. Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). Изд. МГУ, 1970. С. 284.

Ларионова тогда осенила мысль: он подошел к Маринетти и сделал вот этот жест — пальцами по шее, щелчок в шею. Маринетти посмотрел с изумлением...

В.Д.: И не понял?

Р.Я.: Да. И я помню, он [Ларионов] сказал: «Какой болван, даже этого не понимает» (*смеются*).

И тут же было, в тот же вечер, я сейчас не помню уже, в каком порядке, но там было выступление Маяковского. В другом зале, <нрзб>. Я не помню, какое это выступление, но Маяковский в то время выступал в красном фраке. Это был у него период — красный фрак.

В.Д.: Это вы говорите о феврале 14-го года?

Р.Я.: Да. И он тогда, Ларионов, подскочил как-то такое — не то вскочил на эстраду, не то подбежал к эстраде — и громко крикнул: «Дурак в красном говорит, дураки в черном слушают!»

Одним словом, после этого всего мы оказались все в кафе таком «Альпийская роза». Вы знаете? Нет, кафе «Савой», ресторан «Альпийская роза». Это, по-моему, на Софийке.

В.Д.: Ах, «Савой»? «Савой» — сейчас это «Берлин».

Р.Я.: Да, да, совершенно верно.

В.Д.: Это на углу Рождественки и Софийки.

Р.Я.: Рождественки и Софийки, совершенно верно. И вот там набралось довольно много народу. Были Ларионов с Гончаровой. Я с Ларионовым это потом вспоминал в Париже года три-четыре тому назад. Маринетти был... И очень мы возмущались тем, что там немец был хозяин, и водку подавал в графинах с сантиметром, так что было известно, сколько выпили, и за это... И там было довольно много еще народу, я сейчас не могу вспомнить всех, кто был. И вдруг пришел тоже Маяковский.

В.Д.: Вы уже были знакомы с ним?

Р.Я.: Нет. Он сел за соседний столик, я не знаю, как-то он меня вдруг подозвал к столику... Что-то такое произошло, не помню... Или нет, не то, даже не подозвал к столику, а я сделал какой-то неловкий жест — у него лежали тут, я помню, папиросы «Ю-Ю», — и вдруг коробочка упала, и рассыпались папиросы по полу. Мне было очень неловко, я их стал быстро собирать, а Маяковский (*подражает Маяковскому*): «Нет, деточка, оставьте, оставьте, ни к чему, я другие куплю». Вот это был наш первый разговор. И потом он подсел, мы разговаривали. И он меня спросил... у меня была форма Лазаревского института, и он меня спросил: «Ах, вы из Строгановского?» Потому что очень похожая была форма. Вот это первый был, собственно говоря, разговор. Не помню подробно его содержание. Помню скорее, что так как никто больше не говорил по-французски, то приходилось говорить с Маринетти. И Маринетти, в общем, говорил то, что у него было потом в разных статьях и так далее: что никакого футуризма в России нет, что это декаденты, что это... Я говорил ему о Хлебникове. Он говорил: «Да, но то, что вы рассказываете о Хлебникове, — это архаист, который описывает каменный век, который придумывает какие-то ненужные слова». Все это такие были довольно... Но все же, надо сказать, он записал мою фамилию и потом мне прислал книгу своих стихов с посвящением.

Вот это была, собственно говоря, единственная тогдашняя встреча с Маяковским. И после этого... нет, собственно говоря, в это время я уже знал Хлебникова, и уже с Хлебниковым у меня были довольно близкие отношения, и с Крученых. С Хлебниковым я познакомился 30 декабря 1913 года. А Крученых... вчера мне показали вдруг письмо, о котором я совершенно не помню, длиннейшее письмо, сохранившееся, от меня Крученыху, написанное приблизительно в феврале или марте, вскоре после этого разговора с Маринетти, значит, в марте 1914 года...⁸ Ну бог с ним, я не буду рассказывать ни о Хлебникове, ни о Крученыхе...

⁸ Это письмо было опубликовано в VII томе (1987) «Selected Writings» Якобсона и перепечатано Б. Янгфельдтом (с датировкой: конец января — нач. февраля 1914 г.) в сб.: Якобсон-будетлянин. С. 73-74.

В.Д.: Это тоже интересно.

Р.Я.: Да. Но все же останемся при Маяковском. Маяковского я потом уже встретил впервые во время войны, в 16-м году, в конце 16-го года у Эльзы.

Я забегая обратно, вспоминаю лето 14-го года, <нрзб> молоденькая студентка, кажется, брат ее был потом какой-то довольно известный, кажется, биолог. Рогинская была ее фамилия. Разговор в лодке зашел о Маяковском. Она говорит: «Как вы можете всерьез говорить о Маяковском? Вы знаете, как он стал стихи писать? Бурлюк его научил писать рифмы и потом под эти рифмы писать стихи». Вот были, так сказать, слухи и разговоры о Маяковском (*усмеваются*). Бурлюк научил его писать стихи... Вообще надо сказать, что все это — чистейшей воды шарлатанство. Это я, между прочим, тогда несколько раз слышал.

В.Д.: А как вы это понимаете?

Р.Я.: Почему это возникло? А возникло это из действительной жизни, что Бурлюк его убедил писать стихи. А другая вещь, что Маяковский часто составлял заготовки, начиная с рифм. Как-то пошел слух об этом...

В.Д.: Чекрыгин рассказывает, что он заставал Маяковского на лестнице училища пишущим стихи. Не Чекрыгин, а Шехтель. Во всяком случае... не на серьезе, что ли — «Бурлюк научил его писать стихи».

Р.Я.: Нет, но известно было, что Бурлюк его убедил стать поэтом, это Маяковский сам говорил.

В.Д.: Это и тогда было известно?

Р.Я.: Да, это было известно, да. Я думаю, Маяковский об этом рассказывал. Переход его, как он перестал быть художником, как стал поэтом. В то время его, незадолго опять-таки до войны, исключили из Училища живописи, ваяния и зодчества⁹. Его и Бурлюка. И вот помню, я тогда встретился... я уже с Бурлюком тоже тогда познакомился. И Бурлюк сказал, со своим немножко таким украинским акцентом... он говорит: «Мне бы надо было застрелиться, а я полон жизни и радости». Он смягчал — «жызьни и радосты».

⁹ Ср. в автобиографии поэта: Маяковский Вл. Полн. собр.соч. М., 1955. Т. 1. С. 20, 21.

И когда я встретил Бурлюка потом, много-много лет спустя, под Нью-Йорком, он меня попросил написать (у него такой альбом был), написать в альбом что-нибудь. И я ему написал, что «я очень часто вспоминал ваши замечательные слова, которые вы обрели, когда вас вместе с Володей исключили из Школы живописи и ваяния: “Я полон жизни и радости”. Я часто вспоминал их, и мне это придавало бодрости». Я это написал. И вдруг Бурлюк, прочитав это, подбегает ко мне и говорит: «Что вы наделали. Моя жена не знает, что меня исключили. Что мне теперь делать?!»

Пришлось вырвать эту страницу и написать ему что-то куда более академичное.

В.Д.: Это странно.

Р.Я.: <нрзб> Между прочим, тоже очень забавно, что я Бурлюку массу рассказывал: «Помните, как мы встречались? Помните...» Бурлюк не мог меня вспомнить. А потом я сидел там, я жил неподалеку, это был Лонг-Айленд возле Нью-Йорка. Я в то время там гостил в одном пансионе. И там сидели, в этом пансионе, чинно за ужином. Вдруг подъезжает машина, и в ней Бурлюк с оравой совершенно пьяных людей. И Бурлюк мне кричит: «Так я же вспомнил! Вы же Ромочка, но вы совсем другой были, молоденький! Вы на коленях у Оси сидели тогда, и когда я с Осей спорил, вы поддерживали Осю». Вдруг его осенило. И после этого он стал мне писать, посылать, свои картины послал уже. Ну вот.

Значит, в начале осени 16-го года я как-то сидел в гостях у Эльзы, впоследствии Эльзы Триоле. Мы решили пойти куда-то, я уж не помню, в театр или куда. Она пошла переодеваться, а я остался в комнате, и там лежали две книжки. И вот эти две книжки меня обе поразили. Она долго переодевалась, так что я успел как следует посмотреть. Первая книжка была очень маленькая — это было «Облако в штанах». Ох, то есть «Флейта-позвоночник». И в «Флейту-позвоночник» были вписаны многочисленные строки, пропущенные цензурой. Они были вставлены рукой Маяковского. И эта книжка меня потрясла, произвела сильное впечатление. Но все-таки, помню, когда я после этого с ней разговаривал, я говорил, что чрезвычайно этим заинтересовался, но как можно его сравнить с Хлебниковым?! Это мой спор с ней.

А другая вещь была, другая книжка, я так вскользь только говорю, это был первый выпуск сборничков по теории поэтического языка, который издал Ося Брик. И я говорю: «Как же вам не стыдно? Как же вы мне этого не сказали?» Она говорит: «Я не знала, что вас такие вещи интересуют». Ну, и тогда я забрал эту книжку и понял, что там работают вполне...

Антонина Гумилина

А с Маяковским я встретился вскоре после этого у Эльзы же. И вот она раза два... Один раз (мне сейчас об этом не хочется говорить, хотя в биографии Маяковского это играет большую роль) там был он, и к его великому неудовольствию была там художница, в жизни которой он сыграл немалую роль, Гумилина. <нрзб> Она впоследствии покончила с собой. И Маяковский это самоубийство помнил до самого момента своего самоубийства.

В.Д.: Скажите, пожалуйста, это страшно важно. Когда же это выяснилось? Прошло полвека. Я слышал об этой истории, только без фамилии.

Р.Я.: Я это впервые писал... да, там без фамилии. Я об этом пишу в тех воспоминаниях, которые вышли в «Литературном архиве»¹⁰. Вот если вам удастся разыскать ее картины или рисунки, которые я видел на ее посмертной выставке, это будет поразительный материал для биографии Маяковского, потому что Маяковский на всех этих выставках был.

¹⁰ См.: Новые строки Маяковского. Приготовил к печати Р. Якобсон // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 200-201.

В.Д.: Маяковского рисунки?

Р.Я.: Нет, рисунки и картины Гумилиной. Рисунки Маяковского, портреты.

В.Д.: Она его рисовала?

Р.Я.: Она его рисовала после того, как они разошлись. И была посмертная выставка в конце апреля 1919 года, устроенная ИЗО, вскоре после ее самоубийства. Это была небольшая совсем выставка, где-то такое близко от Кузнецкого моста. Я туда пошел с Хлебниковым. И там была большая картина... очень своеобразный реализм, и в то же время, реализм художницы,

прошедшей через кубизм. Там было... предрассветный свет, кровать, на кровати сидящая девочка, в рубашке сидящая Гумилина сама. А у окна, лбом, «плавлю лбом стекло окошечное», Маяковский, который, значит, вот так вот, без пиджака, без галстука. Прибавьте к этому, очень, необычайно похожий, и только вместо ног у него были... козлиные... фавн. И было очень много других. Кроме того, было еще много других, которые на выставку не попали. Она вышла замуж за такого художника, о котором вы, вероятно, слышали. Он, главным образом, занимался прикладным искусством, немец. Он фигурирует в каких-то воспоминаниях Шкловского и еще где-то. Шиман была его фамилия.

В.Д.: Слышал я фамилию.

Р.Я.: Он потом, кажется, погиб. И она покончила вскоре после этого.

В.Д.: Она покончила с собой вскоре после замужества?

Р.Я.: Да. Очень четко изображено ее самоубийство в сценарии Маяковского «Как поживаете». Это история про самоубийство. Я ничего не знал о том, как впоследствии вспоминал Маяковский об этой истории. Тогда, я знаю только одно, что мы сидели в Пушкино, ужинали: Лиля Юрьевна, Осип Максимович, только что приехавший из ИЗО, из города, я, тоже приехавший из города, и Маяковский. И Осип Максимович, рассказывающий между прочим: «А вот ко мне приходил Шиман и говорил: “Вас, вероятно, заинтересует, не купите ли вы — тут у меня целый ряд рисунков”. И говорит: очень странно был изображен ты, Володя, и так далее. Я ему сказал, что нас эти рисунки не интересуют». А Лиля, которая не знала подробностей, говорит: «А что такое? — Она покончила с собой». И Маяковский, с таким напускным цинизмом: «С таким мужем нельзя не покончить с собой». С таким каким-то крутым цинизмом, и сразу разговор перешел на другую тему.

Очень любопытно, что когда я разговаривал о Маяковском и собирал материалы у Яковлевой, знаете, кто это такая? она говорила, что еще в 28-м году, то есть уже, значит, восемь лет спустя, когда разговор зашел вдруг каким-то образом о самоубийстве Гумилиной: «Меня поразил, — говорит, — Володя своим напускным цинизмом. И был очень взволнован».

В.Д.: Но это было определенно связано с ним?

Р.Я.: Да, я читал книжку ее, которая не напечатана. Она была поэтессой исключительно даровитой. И там есть... была поэма, полупрозой, полусвободным стихом, называлась «Двое в одном сердце». Это было о нем.

В.Д.: «Двое в одном сердце». Значит, Гумилина — это уже после его отношений с Верой Федоровной Шехтель.

Р.Я.: Да.

В.Д.: И до знакомства с Эльзой?

Р.Я.: Во всяком случае до Лили. Это третья Мария. Там же три женщины были.

В.Д.: Мария... <нрзб>

Р.Я.: Мария... она не была Марией. Она входит в этот мотив девичий... Часть стихов о ней. <нрзб>

Осенью 16-го года, нет, приехал зимой 16-го года, кажется, так, в декабре, наверное. Маяковский приехал в Москву из Петербурга. Мы сидели у Эльзы. Это уже другой раз, не в тот раз, тогда была тяжелая вещь... А тут была Эльза и был, не знаю, знаете ли вы, такой Мар Левенталь. Марк — Мар. Да, его звали Мар Левенталь. Был очень такой... Он фигурирует, по-моему, в каком-то из ранних... по-моему, в романе Эльзы «Ягодка». Не помню, или «Земляничка», да, «Земляничка». Там он фигурирует. Как она его встречает. Она говорила, что это такое, как детская болезнь: через Мара Левенталь каждая должна была пройти. А потом, когда она приезжает обратно после многих лет в Москву, видит: не человек, а сам себе памятник.

Да, так вот. И мы не знали, что делать. Еще там какие-то девушки были.

В.Д.: Он очень увлекался... в каком смысле?..

Р.Я.: Он очень нравился, он не так увлекался, но он очень нравился, ну, а раз нравился — он отвечал взаимностью.

В.Д.: А он кто был, артист?

Р.Я.: Нет, он, по-моему, был из адвокатов.

В.Д.: Или «фармацевт»?

Р.Я.: Нет-нет, не «фармацевт». Он культурным был присяжным поверенным, который, между прочим, в то время был знаменит еще тем, что выиграл, кажется, сто тысяч рублей в государственную лотерею, но которые потом все равно потерял — во время революции. Он потом исчез.

Он был, потом была такая армянка красивая, кажется, жива, живет в Париже, Беглярова. И сидели. Этот самый Мар говорит: «Девушкам надо пойти посмотреть Вертинского». Это была в то время большая, вы знаете, да? знаменитость. Пошли все. Взяли билеты, значит, заняли первый ряд. Нас было человек шесть. И вот тут я был свидетелем поразительной сцены.

” Когда Вертинский увидел Маяковского, у него отнялся язык, он не мог свои стихи говорить. Он вынужден был уйти со сцены. Он вышел — а потом вернулся, уже собравшись.

Потом сидели с ним... они были знакомы. Сидели с ним, ужинали в Литературно-художественном кружке, возле театра, поблизости.

В.Д.: Вертинский был уже знаком с Маяковским?

Р.Я.: Кто?

В.Д.: Вертинский уже был знаком...

Р.Я.: Да-да-да.

В.Д.: Так что он уже представлял себе, как Маяковский...

Р.Я.: Как Маяковский... всю ядовитость тогдашнего Маяковского. Знаете, тут я тоже помню одну вещь, которая очень забавна. Было это в кафе, по-моему, «Питтореск», если не ошибаюсь. Я уже забыл. А может быть, еще нет. Но на Кузнецком, во всяком случае.

В.Д.: «Питтореск» — это уже после...

Р.Я.: Тогда это еще не «Питтореск», тогда это, вероятно, кафе «Трамбле» или что-то в этом роде. Во всяком случае, это было на Кузнецком. И так вышло как-то, что мы сидели втроем: Маяковский, Эльза и я. И тут Маяковский занялся своей излюбленной в то время игрой. Это, так сказать, брать новичка на прицел, задрознить так, что человек совершенно под этим градом всяких острот, каламбуров, неожиданных нежностей и вдруг поворотов — человек как-то терял голову. И я тут себя почувствовал, как в Лазаревском институте, где у нас били новичков и надо было уметь вести себя. Кажется, я тогда не сплеховал, и это Маяковскому понравилось.

В.Д.: А вы были тогда на новичка?

Р.Я.: Я был тогда на новичка.

В.Д.: Здесь, в этом кафе?

Р.Я.: Только что, так сказать, мы впервые по-настоящему разговаривали, и он меня... И вторая вещь была, что он меня уговаривал играть с ним в «железку» на пальцах. Знаете? Оба должны сразу пальцы... затем соответственно...

В.Д.: Соответственно карте?

Р.Я.: Да-да. Очень простая вещь. И Эльза мне сказала: «Запрещаю вам играть. У Маяковского можно только проиграть».

В.Д.: Кто сказал?

Р.Я.: Эльза. А потом это было... <нрзб> Маяковский уехал в Петербург, тогдашний Петроград.

В.Д.: Вы жили в Петрограде?

Р.Я.: Нет, он жил в Петрограде. Я в Москве был все время. Но я тогда — это был, значит, уже январь 17-го года — и я в то время перевел на французский язык первую часть «Облака в штанах», в стихах. Между прочим, это был удачный перевод. У меня есть перевод... Я думаю, что это вообще был перевод удачный. Я его никогда не печатал. Даже не думал.

Лиля Брик

И вот я поехал в то время в Петербург. Поехал в Петербург, и мне дала Эльза какое-то поручение, какую-то посылку, чтобы я передал ее сестре Лиле. Это было очень близко от вокзала, улица Жуковского. Я прямо с вокзала пошел отнести это.

К Лиле я относился так немножко... недоверчиво. Во-первых, меня сердило, что когда я... Она была старше меня на пять лет, и когда я был лазаревцем, то мне Лилю ставили в пример, какие она замечательные получает отметки по сочинению и так далее. Потом она мне, когда я ей это сказал: «В меня, — говорит, — учитель был влюблен, так что ты не злись».

И, кроме того, меня очень рассердил эпизод, который сейчас Лиля не вспоминает, он выпал из ее памяти. А именно приехал... это было тогда в Обществе свободной эстетики... в конце, нет, сейчас припомню, да, тоже в начале 14-го года, еще до приезда Маринетти. Вернулся Бальмонт, и был прием для Бальмонта в Обществе свободной эстетики.

Лиля Брик и Владимир Маяковский. Нордерней, 1923.

В.Д.: Вы были там?

Р.Я.: И я был. Причем в Общество свободной эстетики запрещалось ходить ученикам средних учебных заведений. И я пошел в штатском туда. У меня не было штатского, я у кого-то занял. И там сидела в первом ряду Лиля с Осипом Максимовичем, который очень аплодировал Бальмонту и Брюсову¹¹. Затем все, кто там говорил... А затем встал... это было одно из самых, я должен сказать, эффектных выступлений Маяковского, которое я только в жизни видел. Он встал, оперся так на стол и сказал (*подражает голосу*): «Константин Дмитриевич, вы слышали приветствия от ваших друзей и почитателей, послушайте приветствия и от ваших врагов». И потом: «Когда-то ваша поэзия казалась нам — под качалками, в усадьбах... — и так далее, и так далее, все это он говорил. — А теперь звучат новые стихи». Он что-то такое прочел, кажется «Шумы города» свои, что-то такое из Хлебникова процитировал. И тогда встал Брюсов, страшно рассерженный, и говорит: «Мы собрались здесь, чтобы чувствовать, а не ругать Константина Дмитриевича». И тогда Бальмонт его несколько отстранил и прочел чудесный экспромт на то, что мы можем ссориться сколько угодно, но мы все же братья по поэзии, мы оба в лазури (*смеются*).

¹¹ О себе Якобсон говорил, что в начале 10-х годов началось его «пристальное и увлеченное знакомство с книгами младшего поколения русских символистов» — Блока и Белого, тогда как старшие символисты — Бальмонт и Брюсов оставляли его равнодушным (Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Иерусалим, 1982. С. 5).

Эти стихи он дал, между прочим, этот автограф был у Маяковского. И поскольку это не для публикации, я должен сказать, мне как-то Маяковский говорил: «Вот так жалко иногда — ходишь по лесу, по полю, и вдруг понадобится бумажка. А в кармане... вот так пришлось пожертвовать стихами Бальмонта». Еще что-то, я уж не помню.

В.Д.: Роман Осипович, а ведь по другим свидетельствам... Перцов приводит, что он читал «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды...» Бальмонта. Или, может быть, это фантазия?

Р.Я.: Я думаю, что то, что дается, — это, по-моему, неверно.

В.Д.: Это апокриф, да?

Р.Я.: Да, это апокриф. Я уж теперь забыл точно, но помню, что, когда прочел это, подумал: «Да нет, это совсем не такое было».

В.Д.: Это стихотворение, что он приветствует от имени врагов и читает «Совлекайте с древних идолов одежды...»

Р.Я.: Нет, нет, он написал специально.

В.Д.: То есть Маяковский сам написал?

Р.Я.: Нет-нет, Бальмонт.

В.Д.: Бальмонт. Нет, а что Маяковский прочитал известное стихотворение Бальмонта, обратя его к Бальмонту. «Совлекайте... Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что царственно величье холодеющих могил». То есть Бальмонт — труп.

Р.Я.: Не ручаюсь.

В.Д.: Вы этого не помните?

Р.Я.: Не помню совершенно. Мне кажется, что это сомнительно. Не знаю, может, я этого тогда не заметил, волновался¹².

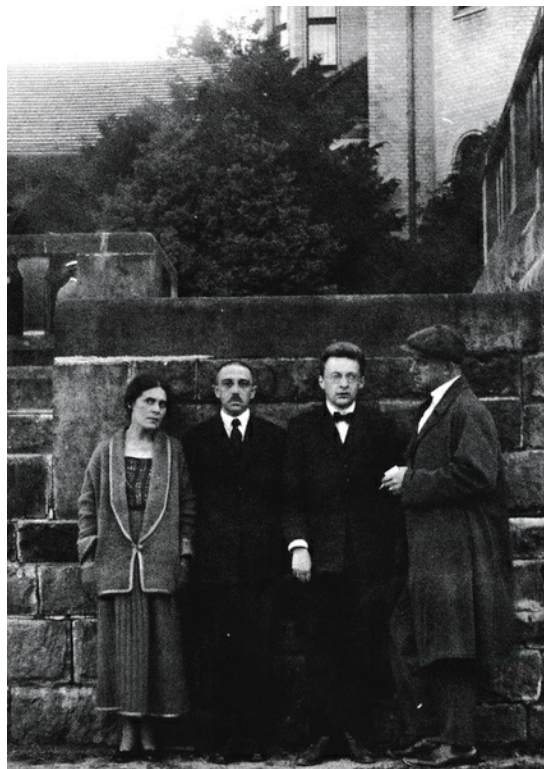
¹² Согласно газетному отчету, на чествовании Бальмонта 7 мая 1913 г. (не в начале 1914-го, как говорит выше мемуарист) Маяковский декламировал «Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды...» (Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е. М., 1985. С. 67, ср. с. 66.).

Да, еще очень забавная вещь, которая была, что больше всего подсвистывал и шикал на Маяковского, это были Лиля Юрьевна и Осип Максимович.

В.Д.: Они еще не были знакомы?

Р.Я.: Нет.

В.Д.: Это любопытно.

Л.Ю. Брик, О.М. Брик, Р.О. Якобсон и В.В. Маяковский. Фленсбург, 1923.

Р.Я.: Да. Но это отрицать нельзя. Это я хорошо помню, и это меня настроило как раз против них. Но потом я пришел к ним, вот тогда, когда я говорил, в конце 16-го, то есть нет, в январе 17-го года, когда приехал. Да, в январе 17-го, приблизительно так. Если мне не изменяет память, это было 14 января. И там... Я должен был прийти, сдать посылку и уйти, и я остался приблизительно дней десять у них, не выходя. Мы сразу страшно подружились. В частности, Лиле Эльза написала в своем письме: «Попросите Рому прочесть его перевод». Я прочел перевод. Это им очень понравилось. Начались разговоры. Вскоре пришел Маяковский. Заставили опять читать перевод. И с этим переводом мы... с Маяковским было очень смешно. Мы как-то потом, вскоре, шли по улице, и он говорит: «Читай немедленно перевод». Я читал. «Теперь переводи его на русский язык дословно». Он хотел знать, насколько это близко к оригиналу. И помню... Есть у него, знаете, эти строки:

Вошла ты, резкая, как «Нате!»,

Муча перчатки замш.

И сказала: «Знаете,

Я выхожу замуж».

У меня это было переведено так:

Âpre, comme un mot dédein,

tu entras, Marie,

et tu m'as dit,

en tourmentant tes gants de daim:

Savez-vous,

je me marie.

«Нет, нет, этого я не люблю. Это то же слово “Мари, Мари!” — Нет, — я говорю, — раз это “Мари”, а другой раз это “выхожу замуж”. — Это нехорошо» (*смеются*).

¹³ По-видимому, Маяковский бракует повтор «Marie / marie» аналогично тому, как он противопоставлял «скуке повторений» лексем у символистов — футуристические «однокоренные словоновшества» (Хлебников), о чем говорил, согласно поздней версии воспоминаний (Якобсон-будетлянин. С. 18), на чествовании Бальмонта. Отметим, что Якобсон по-разному в двух версиях передает реакцию поэта на разъяснение переводчика. В воспоминаниях 1977 г.: «Ах, это разные слова — это хорошо» (с. 30).

В.Д.: Роман Осипович, вообще это нигде не напечатано, ваш перевод?

Р.Я.: Нет-нет.

В.Д.: А он у вас есть?

Р.Я.: Сейчас записан, кажется, да.

В.Д.: Может, вы его почитаете нам сюда? Это страшно интересно.

Р.Я.: Я все не помню. Я вам могу просто несколько первых строк сказать на память. А так я сейчас не помню.

В.Д.: Ну, скажите хоть несколько строк.

Р.Я.:

Vous pensez — c'est le délire de la maladie?
C'était,
C'était à Odessa.
«Je viendrai à quatre», Marie m'a dit.
Huit.
Neuf.
La onzième commença.
Voici le soir
dans le froid nocturne
décembreux,
sinistres.
Vers le dos décrépît ricannent et hurlent les lustres

и так далее.

Да, и вот тут у нас... как-то тут я с Володей сблизился, надо сказать.

В.Д.: Это уже...

Р.Я.: Это было в январе 17-го года. Тут у нас началась какая-то очень большая дружба. Мы как-то... и перевод, и все прочее... Ходили, разговаривали все время. Очень много. Это был очень такой драматический момент в его жизни.

В.Д.: В чем?

Р.Я.: В личной жизни... не ладилось у него. Любовь.

В.Д.: В отношениях с Лилей?

Р.Я.: Нет, она... в то время он в очень тяжелом был состоянии. <нрзб> И тогда мы уже несколько раз встречались с ним. Мы были в... Значит, после этого... Да, после февральской революции, он приезжал опять в Москву, и из Москвы мы поехали ...

¹⁴ Звуковое примечание В. Дувакина: 22 августа. Примечание к записи беседы с Якобсоном. Начинаясь новый раздел, и надо было менять кассету. Мы устроили в перерыве чаепитие, которое несколько затянулось. Якобсон стал очень торопиться. Говорил он еще минут 35-40. Интересно, очень содержательно, но уже несколько сбивчиво. Понимая, что он всего уже не скажет, он твердо обещал через год, в 68 году, в том же месяце, приехать и завершить эту беседу. А те полторы дорожки, которые он наговорил, случайно не записались. Видимо, не был включен микрофон. При беседе присутствовала жена Якобсона Кристина Юлиановна и Вячеслав Всеволодович Иванов. Таким образом, на этой кассете записаны воспоминания до февраля 1917 года.

Первая публикация: Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) / Вступ. ст. и комм. Е.А. Тоддеса // Седьмые Тыняновские чтения: материалы для обсуждения. Рига-М., 1996–1996. Вып. 9. С. 297–318.

Комментарии Е.А. Тоддеса.

Иллюстрации взяты из альбома: Маяковский. Коллекция фотографий (1896–1930) / Сост. А. Аксенкин, вступ.ст. С. Стриженовой. М.: Радис РРЛ, 2011. 288 с.